

В ПОИСКАХ ПРОТОТИПОВ. РАЕВСКИЕ В СОЧИНЕНИЯХ ЛЬВА ТОЛСТОГО

А.Л.Шемякин

(доктор исторических наук, Институт славяноведения РАН, Москва, Россия)

У статті наведено аргументи на користь твердження, що саме Микола Миколайович Раєвський-третій, онук легендарного бородинського героя, який загинув у серпні 1876 року в Сербії, послужив прототипом для образу Олексія Вронського в романі «Анна Кареніна». Прослідковано генеалогію питання, позначено «географічний контекст», у якому народжувалися твори Толстого.

In the paper the author claims that it was N.N.Rayevski III, grandson of the legendary hero of the battle at Borodino, who perished in Serbia in August 1876 and was the prototype of Alexey Vronski in the novel “Anna Karenina”. The author has studied the genealogical aspect and identified the “geographical context” of Tolstoy’s works.

Тема «Семья Раевских и А.С.Пушкин» давно принадлежит к числу классических в истории русской литературы, и С.А.Фомичев с полным правом формализовал сей факт понятием – «Раевскиана Пушкина», указав, что общение с семейством Раевских стало одной из «жизнетворческих доминант» в судьбе поэта (1, 26-32). Отношения же их – мы имеем в виду не только семью «южных» Николаевичей, но весь род Раевских – с Львом Толстым, равно как и отражение таковых на страницах произведений писателя, только начинают интересовать исследователей. А между тем Толстой был дружен с Раевскими и, мало того, через своего второго сына Илью даже породнился с ними. Правда, то были северные (тульские) представители рода. Однако, что важно, и некоторых южных (т.е. киевских) он не обошел своим вниманием. Так, полковник Николай Николаевич Раевский – внук легендарного бородинского героя, погибший в августе 1876 г. в Сербии, послужил ему прототипом для образа Алексея Вронского в романе «Анна Каренина» (аргументы в пользу данного утверждения мы предоставим чуть ниже).

Пока же представляется нелишним вкратце проследить генеалогию рода Раевских и показать, когда и как произошло разделение некогда единой фамилии на северную и южную ветви. Сделав это, нам будет значительно легче вписать того или иного друга или свойственника Толстого из Раевских в более широкий родственный и творческий контекст...

* * *

Корни рода Раевских уходят в XII век. Как и большинство старинных дворянских «кланов», он был «чужих кровей», происходя из Дании – от Петра-Власта (или Дунина, что значит «датчанина»), сына вельможи Вильгельма – казнохранителя короля Нильса. В 1124 г., по данным польских генеологов, Дунин прибыл ко двору короля Болеслава III Кривоустого и остался у него на службе (2, 149). От линии же его потомков в XV веке и отпочковалась боковая ветвь Раевских, перебравшаяся в Литву, откуда родоначальник их русского «продолжения», Иван Степанович – внук основателя рода Есмана [сын Есмана, Степан Есманович, владел поместьем *Раевщина*, на реке Соже, недалеко от города Мстиславля (3, 5)], в 1526 г. вышел на службу к Великому князю Московскому Василию III. Получив земельные владения в окрестностях Тулы – будущей «малой родины» Толстого (4, 19; 5, 521-523). С ней отныне и навсегда Раевские будут тесно связаны...

Шесть колен потомков Ивана Степановича (Андрей, Афанасий, Василий, Иван, Иван и Артемий) служили российским государям, проживая безвыездно поблизости от Тулы. Пока, наконец, при наследниках Артемия Ивановича род не разделился (6; 2, 164).

А.И.Раевский – стольник и тульский воевода, владевший поместьями в Каширском уезде и скончавшийся в 1696 г., – имел трех сыновей: Ивана, Семена и Сергея. Именно первые двое представляют для нас особый интерес, так как Семен – это прародитель позднейшей ветви южных Николаевичей; Иван же – пращур оставшихся под Тулой северных Артемьевичей и Ивановичей. Но до поры до времени братья живут вместе, являясь, как и родитель, помещиками Каширского уезда. Упомянем здесь только одно приобретение бригадира Семена Артемьевича Раевского – в 1737 г. в том же уезде он приобрел село Якимовское.

И сын его, Николай Семенович Раевский, числился поначалу тульским и рязанским помещиком, владея поместьями в Каширском, Чернском, Епифанском и Переяславль-Рязанском уездах. Однако, вступив в брак с Екатериной Николаевной Самойловой – племянницей светлейшего князя Г.А.Потемкина-Таврического, он получил в приданое за ней, помимо всего прочего, имения в

Чигиринском и Черкасском уездах Киевской губернии, часть из которых затем унаследовал Николай Николаевич Раевский 1-й. Он и осел окончательно на юге, в бывших потемкинских вотчинах. Но связей с севером до конца не порывал, оставаясь владельцем села Якимовского, купленного, помнится, его дедом в Каширском уезде Тульской губернии.

Дальнейшая история южной ветви Раевских хорошо известна. Поэтому, переступив через три поколения потомков славного генерала, что успели еще пожить в России до большевистского переворота, перейдем к Раевским северным.

Средний сын Ивана Артемьевича Раевского, Иван Иванович, дал жизнь следующему Артемию Ивановичу, дослужившемуся в 1801 г. до генеральского звания. Сочетавшись браком с Маргаритой Васильевной Давыдовой, он получил в приданое за ней 1000 душ крепостных в Тульской и Рязанской губерниях. У А.И.Раевского, в свою очередь, было два сына – Владимир (1812-?) и Иван (1815-1868) Артемьевичи. Остановимся на обоих этих персонажах подробнее, начав со второго.

Итак, Иван Артемьевич Раевский – тульский дворянин – владел старинным селом Никитское в Епифанском уезде и был женат на Екатерине Ивановне Бибиковой (1817-1899) – незаурядной художнице и мемуаристке, бывшей некогда предметом увлечения поэта Полежаева. И уже примерно с середины 1850-х гг. семья хорошо знала Толстого. Е.И.Раевская на склоне лет вспоминала: «с графом Л.Н.Толстым я была знакома в 1856 г., когда еще холостой, посещая московское общество, он бывал и у меня на вечерах» (7, 374). Что касается близости с писателем ее супруга, то важное для нашей темы свидетельство оставил племянник – князь Д.Д.Оболенский (его мать была также из Бибиковых): «Гр. Лев Николаевич был очень горячий и настоящий русский охотник... Особенно много охотился Л.Н. с моим дядей, Иваном Артемьевичем Раевским, с сыном которого граф был *на ты* и очень дружил...» (8, 240). И далее мемуарист приводит некоторые эпизоды охоты на волков, в которой он лично принимал участие вместе с Л.Н.Толстым и дядюшкой. «Читая эти воспоминания, – указывает правнук последнего, Сергей Петрович Раевский (недавно ушедший из жизни), – нетрудно догадаться, что Толстой при описании охоты в «Войне и мире» использовал те же эпизоды, которые описывает и Оболенский...» (9, 311). Понятно, что и самому Ивану Артемьевичу нашлось место на ее страницах, поскольку, по словам племянника-очевидца, «можно даже узнать в романе некоторых охотников по их ярким чертам и характерным высказываниям» (8, 240).

Итак, знаменитые сцены охоты из «Войны и мира» напрямую связаны с тульскими Раевскими – приятелями Льва Николаевича... Это первый вывод в рамках нашей темы. В развитие же ее обратим внимание на то место из воспоминаний Оболенского, где он говорит, что с сыном Ивана Артемьевича Толстой был «на ты» и очень дружил. Речь идет об Иване Ивановиче Раевском (1835-1891), с которым тот познакомился в конце 1857 или начале 1858 г. в гимнастическом обществе в Москве, на Большой Дмитровке. До самой своей смерти Иван Иванович оставался близким другом писателя, запросто наезжая как в Ясную Поляну, так и в московскую усадьбу Толстых. После его кончины Лев Николаевич написал статью «Памяти Ив.Ив.Раевского», где подчеркнул: «Это был один из самых лучших людей, которых мне приходилось встречать в своей жизни» (10, 262). И его самого, что в свете сказанного совсем не удивительно, Толстой запечатлел в своем творчестве. Правда, скорее комично.

Унаследовав после смерти отца (Ивана Артемьевича) семейное имение Никитское, Иван Иванович стал активно вводить в хозяйство новации, почерпнутые в основном из неких ученых трудов. И в этой связи предоставим слово его внуку, Сергею Петровичу, которого мы выше уже цитировали. «Занимаясь собственным и отцовским хозяйством, Иван Иванович интересуется новыми агротехническими приемами, выписывает из-за границы машины и удобрения, в частности гуано из Чили. Мой дядя рассказывал, что как-то один из крестьян, увидевший подводы, везущие с железнодорожной станции чилийское удобрение, спросил у мужиков: “Чево это, братцы, везете в ящиках? Да вот барин наш молодой из-за моря говно покупает, видать своего хватать не стало”...». И далее: «Потом мой дед решил сеять мяту для получения мятного масла. Разводить мяту продолжал и мой отец» (9, 291-292).

Иронизируя по поводу хозяйственных экспериментов своего друга, Толстой в «Плодах просвещения» устами Василия Леонидыча Звездинцева открыто их пародирует – Вово советует мужикам «сеять пшеницу рядами» и «непременно мяту». «Ведь я учился про это. Это в книгах напечатано. Я вам покажу...». Показателен и ответ крестьян. Слушая глупейшего молодого барина, они спокойно отвечают ему: «Это точно, вам по книгам виднее»...

Ну а теперь обратимся к родному брату Ивана Артемьевича Раевского – Владимиру Артемьевичу. Ведь именно он «виновен» в том, что Толстые породнились с Раевскими – правда, именовались они тогда по-другому. А кроме того, с ним связано и очередное «присутствие» члена семейства на страницах сочинений писателя.

Итак, в 1888 г. второй сын Льва Николаевича, Илья, женился на Софье Николаевне Философовой. Ее матушка Софья Алексеевна происходила из фамилии Писаревых – «давних, – как указывает семейная хроника, – знакомых Толстых» (11, 133). Кто же были эти *Писаревы*? В поисках ответа воспользуемся записками старшей дочери Ильи Львовича, Анны Ильиничны Толстой-Поповой. Для нас они просто бесценны.

«В очень давние времена, – начинает автор, – в 30 – 40-е годы прошлого века (т.е. XIX-го. – *А.Ш.*) жили два брата Иван и Владимир Артемьевичи Раевские. Вторым братом, Владимир Артемьевич, никогда официально не был женат, но, оказывается, все пять человек детей Писаревых были его детьми. Сосед его по имени, старый и немощный Писарев, женился на молоденькой. Владимир Артемьевич совершенно открыто ездил к этой молоденькой красавице Писаревой. Каждого вновь появлявшегося ребенка старик Писарев усыновлял, и так шла жизнь...». И в итоге – «Владимир Артемьевич Раевский завещал свои земли незаконным детям», которые «получили хорошее образование. Я всех их знала как людей всесторонне образованных и передовых». «Лев Николаевич, – следует резюме, – со всеми встречался и со всеми был в хороших отношениях» (11, 141). [Прадед автора записок по матери, Владимир Артемьевич Раевский (1811-185?), был фигурой заметной и по-своему колоритной. Происходя из московских дворян, он воспитывался в Пажеском корпусе и Школе гвардейских подпрапорщиков, свободно говорил на немецком и французском языках. В 1828 г. вышел юнкером в лейб-гвардии Конный полк. В декабре 1834 г. в чине поручика гвардии подал в отставку. Кроме тульских и рязанских поместий имел собственный дом в Москве... Младшая дочь В.А. Раевского – Софья Алексеевна Писарева (будущая теща И.Л.Толстого) получила от него в наследство село Паники Данковского уезда Рязанской губернии, приобретенное еще отцом Владимира Артемьевича, генерал-майором Артемием Ивановичем Раевским (см.: 12, 49-50; 11, 141)]. Со всеми – это значит с двумя кузенами и тремя кузинами своего друга Ивана Ивановича. Выходит, так, по крайней мере, по крови.

И здесь позволим себе одно уточнение к рассказу А.И.Толстой-Поповой, вполне достойное всей романтики сюжета. Утверждая, будто «Владимир Артемьевич никогда официально не был женат», мемуаристка ошибается. После смерти старого Писарева, вдова вышла-таки замуж за любимого человека, обвенчавшись с ним «в московской Николаевской церкви, что в Гнездняках». Справка из Консistorии подтверждает сей факт. «1856 года, февраля 17 числа, – читаем в ней, – женился отставной лейб-гвардии Конного полка поручик Владимир Артемьев Раевский первым браком 46 лет, взял за себя вдову коллежскую ассесоршу Софию Иванову Писареву 41 года...» (13). Но прожили вместе новобрачные недолго – в конце 1857 или самом начале 1858 г. В.А.Раевский скончался. Вдова же его, «гвардии поручица София Ивановна Раевская», обратилась в январе 1858 г. с прошением причислить ее «к роду покойного мужа со внесением в Дворянскую родословную книгу Тульской губернии», что год спустя и было сделано (14). Вот ведь как судьба повернула, перед нами – законные на склоне лет супруги и пятеро их детей, рожденных в любви, но носивших другую фамилию и другие же отчества.

Одна из этих «потаенных» Раевских – Софья Алексеевна Писарева – и оказалась со временем в ближайшем свойстве с Л.Н.Толстым, на уровне же внуков – Ильичей – оба рода вообще пересеклись.

Любопытны его отношения со старшим сыном Владимира Артемьевича Раевского Рафаилом Алексеевичем Писаревым (1850-1905). О них «Семейная хроника» сообщает: «Еще молодым он был знаком с Львом Николаевичем, бывал гостем в Ясной Поляне». Но однажды, в конце 60-х годов, «дяде Рафаше Писареву из жгучей ревности к Софье Андреевне Лев Николаевич подал лошадей в Ясной Поляне, взбешенный тем, что тот слишком уж весело и небрежно разговаривал с его молоденькой женой. Он поступил с гостем совершенно так, как сам описал это в «Анне Карениной» в истории с Васенькой Весловским. Впрочем, впоследствии старые недоразумения сгладились» (11, 137). [Случай этот зафиксирован и в воспоминаниях Т.А.Кузминской (см.: 15, 278). По уточненным данным, «изгнание» Р.А.Писарева из дома писателя произошло в октябре 1870 г. (15, 517)]. Как видим, подобно водяному знаку на бумаге, лик очередного Раевского проступил под пером Толстого.

Итак, вполне очевидно, что Л.Н.Толстой не только отлично знал, но и дружил со многими из северных (тульских) Раевских, что отражал нередко в своем творчестве... Этот определенный круг общения внутри замкнутого дворянского мирка, который по-соседски был ограничен всего лишь несколькими уездами одной губернии, и давал ему пищу для размышлений; в нем по большей части черпал он человеческий материал для своих сочинений. Не стала исключением и «Анна Каренина» – один из исследователей с правом назвал ее «наиболее *тульским* из всех романов Толстого» (16, 226).

К нему, а точнее к озвученной выше формуле: «Николай Николаевич Раевский 3-й – прообраз Алексея Кирилловича Вронского», – мы теперь и обратимся... В рассмотрение, следовательно, поступает южная (киевская) ветвь рода.

* * *

Начнем с того, что еще в середине 1970-х годов корреспондент ТАСС в Югославии Юрий Корнилов, заинтересовавшись судьбой погибшего в Сербии Николая Раевского, обратился в Государственный музей Л.Н.Толстого с просьбой помочь разобраться в ситуации. Ответ, полученный им, гласил: «Хотя во всех известных нам документах и рукописях Толстого имя Н.Н.Раевского не упоминается, легенда о том, что Раевский и Вронский – одно и то же лицо, существует и находит отражение в печати...». Значит – легенда, сокрушался журналист, «очень правдоподобная, очень устойчивая, но все же легенда» (17, 29).

К версии о легенде примыкают сомнения и других, как современников, так и потомков, несогласных с отождествлением Раевского и Вронского. Например, известный русский дипломат Н.В.Чарыков писал в воспоминаниях, не называя, правда, имен, что познакомился с Вронским в 1881 г. в Петербурге, где тот проживал, а в последний раз видел его восемью годами позже «на обеде в русском посольстве в Париже...» (18, 95). Такой скептицизм не угас и поныне. В безбрежном океане литературы о Толстом существует мнение, что для героя «Анны Карениной» тот «заимствовал имя Юрия Вронского» – польского ученого, проповедника шляхетского мессианизма – которое мог слышать от Герцена во время поездки в Европу (19, 142). С другой стороны, утверждается, будто фамилия Вронский восходит к неким барону Вревскому (20, 307; 21, 23) или Воронцову (22, 567) – знакомым автора романа. И, наконец, высказана мысль, что прототипом его персонажа «был известный поэт А.К.Толстой» (23, 462; 16, 69).

Однако так ли все однозначно, пусть даже имя Раевского не встречается в бумагах писателя? Ведь имя дочери Пушкина М.А.Гартнунг в них тоже отсутствует. А между тем из воспоминаний Татьяны Андреевны Кузминской, свояченицы Толстого, хорошо известно, что именно она послужила писателю «типом Анны Карениной», причем «не характером, не жизнью, а наружностью» (15, 482). Да и сам Толстой говорил (в переложении сына Ильи), «что тип создается писателем из целого ряда лиц, и поэтому он не должен быть портретом определенного лица» (24, 87). [Брат Ильи Львовича, Сергей экстраполировал этот общий принцип на «Анну Каренину»: «"Анна Каренина" приближалась к концу. Материал для нее отец брал из окружающей его жизни. Я знал многих лиц и многие эпизоды, там описанные. Но в "Анне Карениной" действующие лица совсем не те, которые жили на самом деле. Они только похожи на них...» (25, 53)]. Ибо таинство творчества по природе своей противно клонированию... По нашему мнению, Н.Н.Раевский 3-й и оказался одним из такого «целого ряда лиц», наблюдения за которыми помогли романисту создать образ Вронского.

И, действительно, между ними обнаруживается немалое сходство: блестящий офицер гвардейской кавалерии граф Алексей Вронский «никогда не знал семейной жизни». Он образован и богат, а его семья состоит из женатого брата и матери-вдовы. Как видим, «анкетные данные» полностью совпадают. И по судьбе у них очевидное сходство. Так, одно время Вронский всерьез размышлял об отъезде в Туркестан (в одном из черновых вариантов романа – не только размышлял, но и направлялся туда), а после трагической гибели Анны он уезжает в Сербию. Напомним, что Раевский в 1870-1874 гг. служил в Туркестане в 7-м линейном батальоне и был награжден орденом Святого Владимира 4-й степени за боевые отличия, а в 1876 г., как уже говорилось, он отбыл добровольцем в Сербию, где и погиб.

Уже эти параллели, как нам думается, позволяют утверждать, что совпадения явно не случайны. Что опять же не удивительно! Вспомним оценку «Анны Карениной» как «наиболее тульского романа Толстого». Раевские – друзья и соседи – населяли округу Ясной Поляны достаточно густо, чтобы автор был в курсе происходящего в их роде, в том числе и в ветви Николаевичей.

Тем более, что северные и южные представители рода отнюдь не являли собой две изолированные фракции одной фамилии. [О близости родственных уз свидетельствует и С.П.Раевский. Повествуя о Н.Н.Раевском 1-м и его «северном» троюродном брате – А.И.Раевском, он пишет: «Как водилось в то время, трехлетний Николай Раевский был записан на службу в лейб-гвардии Семеновский полк, в котором шести лет от роду он уже числился сержантом. Точно так же, похоже по сговору родителей, троюродный брат Артемий Иванович был записан в лейб-гвардии Преображенский полк. *Их родственники связь тесно поддерживали на протяжении всей их жизни и жизни их детей* (выделено нами. – А.Ш.), несмотря на то, что близкого родства уже не было...» (2, 160)]. Так, именно к Ивану Артемьевичу (охотнику из «Войны и мира») обратилась в 1857 г. вдова друга Пушкина, Николая Николаевича Раевского 2-го, Анна Михайловна по возвращении из-за границы, когда встал вопрос о поступлении ее сыновей – Николая и Михаила – в университет. Надо было выяснить, к дворянству какой губернии приписаны «абитуриенты». И, хотя земли, принадлежавшие Николаевичам, находились в Киевской, Воронежской, Таврической и Петербургской губерниях, записаны они были стараниями Ивана Артемьевича в дворянство

тульское, о чем сохранились документы. А значит, Николай Раевский 3-й (т.е. «Вронский») стал полноправным тульским дворянином и, соответственно, земляком Л.Н.Толстого. Как видим, связи между тульскими и киевскими были весьма тесными – Анна Михайловна обращалась к отцу многолетнего друга писателя не иначе, как «Любезный братец», а его супруга начинала свои письма к ней с обращения: «Милая кузина» (4, 34, 40, 43, 78).

Добавим, что Толстому Раевские были всегда интересны – когда больше, когда меньше. Но даже в конце 1880-х, после внутреннего перелома, отрехшись от многого в себе прежнем, он, встречаясь с приятелем, как писал очевидец, «вскользь справлялся о ком-нибудь из Раевских, не входя ни в какие дальнейшие разговоры. Его интересовало только человечество в целом...» (26, 194). Думается, что лет за пятнадцать до этого – в период работы над Вронским – Мастер был несколько приземленнее. Да и заинтересованнее. Чему подтверждением служит деталь – почти цитата, – обнаруживающая прямую связь отдельных героев романа с непосредственным окружением Николаевичей. Заметим, что и она органично вплетается в тот же самый географический контекст. Речь идет о Яшвине, который «был в полку лучший приятель Вронского». Этот ротмистр, а затем и полковник, носил явно говорящую фамилию. Ведь всем ясно, что Яшвин – это не кто иной, как Яшвил. Спрашивается, имел ли кто-нибудь из членов семьи Яшвилей хоть какое-то отношение к Раевским вообще и убиенному в Сербии, в частности? Имел и самое непосредственное.

В 1847 г. дочь декабриста Михаила Федоровича Орлова и его супруги Екатерины Николаевны (урожденной Раевской) Анна Михайловна Орлова вышла замуж за князя Владимира Владимировича Яшвила (1815-1864), который, следовательно, хотя и был значительно старше Николая Раевского 3-го, приходился ему двоюродным зятем. В.В.Яшвил сделал успешную военную карьеру. Флигель-адъютант, а позднее Свиты Его Величества генерал-майор, он с 1858 г. командовал лейб-гвардии Гусарским полком. И именно он в 1863 г. уговорил Николая и Михаила Раевских, вышедших к тому времени из университета, поступить к нему в полк, который, как предполагалось, должен был отправиться в восставшую Польшу (4, 64, 70). [В посмертной биографии младшего брата Н.Н.Раевского – Михаила Николаевича, составленной из сведений, сообщенных его вдовой, читаем: “Пристрастившись к астрономии, он думал отдаться ученой карьере и со временем занять кафедру в Московском Университете. Но вышло иначе. Родственник Раевских, князь Яшвил, командовавший в то время лейб-гусарским полком, напоминая М.Н. и его брату Н.Н. доблести их деда и отца, увлек обоих братьев поступить в полк...” (27)].

Не отсюда ли и проистекает та, почти родственная привязанность Вронского к Яшвину, которую Толстой демонстрирует на протяжении всего романа. Они ведь и в Сербию поехали вместе, но по разным причинам... Очевидно, что автор «Карениной» был наслышан о князе Яшвиле – своем очередном «земляке» (к его жене по наследству от матери и перешло то самое село Якимовское Каширского уезда Тульской губернии, купленное Семеном Артемьевичем Раевским еще до разделения рода и остававшееся в собственности южных Николаевичей (12, 41; 4, 20, 27)), что и отразил в художественной форме...

Итак, мы попытались обрисовать в основном «географический контекст» (а точнее – его совсем узкий срез), в котором рождались произведения Толстого. И в результате оказалось, что члены обеих ветвей рода Раевских были представлены на их страницах весьма «изрядно», как говаривали в ту пору. Столь высокая степень *прототипичности* Раевских в трудах писателя (и особенно параллель Николай Раевский – граф Вронский) может быть подтверждена, кроме «географии», анализом разных редакций его текстов, и даже сравнением внешности героев (такой анализ нами проведен, см.: 28)... Но это уже тема другой статьи.

1. Фомичев С.А. Раевскиана Пушкина // Историко-культурное наследие семьи Раевских и его международное значение. Вторые Елисаветградские историко-литературные чтения. – Кировоград, 2006.
2. Раевский С.П. Пять веков семьи Раевских // Дворянское собрание. Историко-публицистический и литературно-художественный альманах. – М., 1998. – № 9.
3. Врангель Л.С. Семья Раевских. Образы минувшего века. – Париж, 1955.
4. Архив Раевских. – Пг., 1915. – Т.V.
5. Чернопятков В.И. Дворянское сословие Тульской губернии. Т.III (XII). Родословец. Материалы. Ч.VI. – М., 1909.
6. Государственный Архив Тульской области (далее – ГАТО). Ф.39. Оп.2. Д.1893. Л.9 (родословная Раевских).
7. Раевская Е.И. Л.Н.Толстой среди голодающих // Летописи Государственного литературного музея. – М., 1938. – Кн.2.
8. Оболенский Д.Д. Отрывки (Из личных впечатлений) // О Толстом. Международный толстовский

- альманах. – М., 1909.
9. Раевский С.П. Семья Раевских // Ясная Поляна. – Тула, 2000. – № 1.
 10. Толстой Л.Н. Полное собрание сочинений: В 90 т. (Юбилейное издание). – М., 1927-1964. – Т.29.
 11. Толстой И., Толстая С. Семейная хроника Толстых // Ясная Поляна. – Тула, 1997. – № 2.
 12. Род Раевских герба Лебедь. – СПб., 1908.
 13. ГАТО. Ф.39. Оп.2. Д.1890. Л.11.
 14. ГАТО. Ф.39. Оп.2. Д.1890. Л. 7, 13.
 15. Кузминская Т.А. Моя жизнь дома и в Ясной Поляне. – М., 1986.
 16. Бабаев Э.Г. Роман и время. «Анна Каренина» Л.Н.Толстого. – Тула, 1975.
 17. Корнилов Ю.Э. Как погиб граф Вронский? – М., 1975.
 18. Tcharykow N.V. Glimpses of high politics. Through war and peace. – London, 1931.
 19. Порочкина И.М. Л.Н.Толстой и славянские народы. – Л., 1983.
 20. Гусев Н.Н. Лев Николаевич Толстой. Материалы к биографии с 1870 по 1881 год. – М., 1963.
 21. Якубовский Ю.О. Толстой и его друзья // Толстовский ежегодник 1913 г. – СПб., 1913.
 22. Толстой С.Л. Об отражении жизни в «Анне Карениной» // Литературное наследство. – М., 1939. – Т. 37-38.
 23. Литературное наследство. – М., 1965. – Т.75, Ч.2.
 24. Толстой И.Л. Мои воспоминания. – М., 2000.
 25. Толстой С.Л. Очерки былого. – Тула, 1968.
 26. Новиков А.М. Л.Н.Толстой и И.И.Раевский // О Толстом. Международный толстовский альманах. – М., 1909.
 27. Отдел рукописей Института Русской Литературы РАН – Пушкинского Дома. Ф. 253. Оп. 1. Д. 746. Л. 21.
 28. Шемякин А.Л. Смерть графа Вронского. – 2-е изд. – СПб., 2007.